

— Вы хотите спросить: какъ я отъ манёвровъ отдѣлался?— просто отвѣтилъ онъ.— Они только-что отошли... Вотъ видите, уѣхалъ... въ двадцати-восьмидневный отпускъ...

Глаза его подсказали ей: „сердиться тутъ нечего!“

На улицѣ механическое піанино итальянца опять забарабанило своими клавишами вальсъ „Pi bassio“.

— Какая старина!—выговорила она съ гримаской.

— Чтожъ такое?—возразилъ онъ почти кротко:—мнѣ это напоминаетъ дѣтство... Въ Гейдельбергъ... мы, мальчики, все ходили вечеромъ по Anlage и распѣвали, перевирали итальянскія слова... Было модно, теперь старомодно... И все вотъ это... весь этотъ „pschutt“—и онъ обвелъ глазами публику кафѣ—тоже будетъ старомоднымъ, не лучше „Pi bassio“... Будто въ этомъ вся цѣна жизни... Зинаида Мартыновна?

Замѣчаніе было не ново и не особенно остроумно, но подходило къ ея недавнему настроенію. Вотъ и она—какъ обдумывала свои туалеты „rouge la plâge“,—пріѣхала и увидала, что они на всѣхъ, и даже вотъ та нѣмка одѣта по-своему, хоть грубо, да оригинальнѣе ея...

Этотъ высокій, сильный, характерный русскій мужчина былъ уже ей гораздо ближе, чѣмъ вся здѣшняя людная толпа.

„А заболѣю? Упаду гдѣ-нибудь на набережной или натѣнусь на оскорбленіе?... Вѣдь къ нему же надо будетъ обратиться. Да онъ и самъ первый вызовется“.

Истوما, поплывшая по всѣмъ ея членамъ, вызвала въ ней, впервые, потребность женщины, только наружно здоровой и ни въ комъ не нуждающейся, опереться о крѣпкую, властную руку...

Она смягчилась и почти ласково взглянула на него.

XI.

На Воробьевыхъ горахъ, у ресторана, стояли двѣ коляски и нѣсколько дрожекъ. По террасѣ, за столами, размѣстились посетители; въ этотъ до-обѣденный часъ ихъ всего больше привлекаетъ видъ на Москву.

Немного свѣжеватый іюньскій день, съ пушистыми облачками, рѣдко посыпанными по блѣдному еще небу, позволялъ, однакожъ, налюбоваться вдоволь на картину... Она только съ этой высоты выступаетъ во всей полнотѣ...

На шпакѣ храма Спаса золото горѣло въ лучахъ, не задержанныхъ облачками. Нѣжная дымка поднималась надъ скучен-